

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ. **ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ**

УДК 821.161.1-1

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ В ПОЭЗИИ В. Н. СОКОЛОВА

Ю. Л. Василевская

Тверской государственной университет
кафедра филологических основ издательского дела и литературного творчества

Статья посвящена анализу «чужого» текста в лирике В. Н. Соколова, ориентированной не только на отечественную (А. А. Фет, А. А. Блок, С. А. Есенин, А. П. Чехов и др.), но и на зарубежную литературную традицию. «Чужое» слово представлено в ней не только аллюзиями, но и цитатами как в самом тексте, так и в тексте, вынесенном в качестве эпиграфа.

Ключевые слова: *В. Н. Соколов, интертекстуальность, эпиграф, стихотворение, «чужое слово»*

Лирика В. Н. Соколова создана во многом в рамках классической русской традиции и имеет традиционную для «тихой лирики» поэтику. Сам поэт признавал определяющим для своих зрелых произведений влияние А. А. Фета, Ф. И. Тютчева, А. С. Пушкина, Н. А. Некрасова. Так, он писал: «Чувство традиции, как чувство непрерывности времён, часто вызволяло меня из кризисных состояний. Постоянное присутствие в моей жизни великих русских поэтов как живых людей, перед которыми надо отчитываться, помогало и дисциплинировало» [5, с. 4].

Пути взаимодействия его лирики с творениями предшественников многообразны. Самая сильная «линия» влияния – это поэты, посвящавшие свои стихотворения описанию русских пейзажей, олицетворяющие окружающий мир живой и неживой природы и связывающие переживания лирического героя с природными процессами. Однако нельзя сказать, что В. Н. Соколов ограничивался простым подражанием классикам: его стихотворения всегда содержат переосмысление «первоисточника». Например, стихотворение «Чуть-чуть есенинское» есенинское именно чуть-чуть. Оно начинается как явное подражание известным стихотворениям «Топи да болота...» и «Гой ты, Русь, моя родная...»:

Синь да облако... Сияя,
Лес таит свои пути.
Это Русь моя родная –
Углич, Тверь, Москва, Путивль... [3, с. 445]

Стихотворения объединяют образы небесной сини и русского леса, а также мотив дороги. Однако В. Н. Соколов изображает зимний пейзаж, а не летний или весенний, который доминировал у раннего С. А. Есенина. К тому же в его стихотворении появляются образы, нетипичные для есенинской дореволюционной лирики:

Я ведь всё-таки крестьянин,

Если глубже поглядеть.

Я большой любовью ранен:

Хлеб, земля, железо, медь [3, с. 445].

Железо и медь у С. А. Есенина всегда ассоциировались с городом, фабриками и заводами, которые убивают деревенский «рай».

Мотивы и образы из цикла «Стихи о Прекрасной Даме» А. А. Блока стали основой для стихотворения В. Н. Соколова «Бродя и гадая о блоковской даме...». Этот образ рождает в лирическом герое вдохновение к созданию повести «о чьих-то шагах и о ждущем окне» [3, с. 413]. Эти образы неоднократно встречаются и в цикле А. А. Блока («Бегут неверные дневные тени...» [1, с. 89], «Там – в улице стоял какой-то дом...» [1, с. 105] и др.). Однако в стихотворении Н. В. Соколова нет атмосферы таинственности и ожидания чуда, характерного для блоковской лирики о Прекрасной Даме. Здесь воспоминание лирического героя об этом сюжете окрашено в романтически-сентиментальные тона и не накладывается на его личные любовные переживания: «Бродя и гадая о блоковской Даме, // Опять опоздал я. Пешком так пешком. // Последний трамвай, отшумев проводами, // Ушёл, закачался вдали фонарём. // Мерцает булыжник. Ни звука. Ни слова. // Спокойные липы шумят. А во мне // Уж целая повесть родиться готова // О чьих-то шагах и о ждущем окне...» [3, с. 413]

На лирику В. Н. Соколова оказало влияние и творчество А. П. Чехова. Его стихотворение «Дом с мезонином» содержит отсылки сразу к нескольким чеховским текстам. Уже в названии заложена аллюзия на одноимённый рассказ. В центре стихотворения, как и у А. П. Чехова, находится образ дома:

Прощайте, Машенька, прощайте.

Прошла ушедшая пора...

Меня, как Дом, не замечайте,

Ведь дождик льёт, как из ведра [3, с. 324].

Лирический герой отождествляет себя с Домом, который воспринимается не только как место действия, но и как свидетель счастья героев, сложившегося или давно исчезнувшего. Подобное олицетворение присутствует и в рассказе А. П. Чехова: «Я постоял немного в раздумье и тихо поплёлся назад, чтобы ещё взглянуть на дом, в котором она жила, милый, наивный, старый дом, который, казалось, окнами своего мезонина глядел на меня, как глазами, и понимал всё» [7, с. 102].

Воплощение лирического героя в образе дома вообще характерно для лирики В. Н. Соколова. Особенно заметно это в стихотворении с овидиевским заглавием «Метаморфозы»: «Мир детства. Заборы и лужи. // Ручьёв перекрученных прыть. // Я стал понимать его хуже. // И лучше о нём говорить. // Но как я хочу разучиться // И в мире заведомом том // Тайком от людей воплотиться // В какой-нибудь старенький дом! // И влажно глядеть в переулок, // Листвой заслонясь, как рукой, // В какой-нибудь там Ащеулов // Иль Подколокольный какой» [3, с. 184].

В стихотворение «Дом с мезонином» включены аллюзии и на пьесы А. П. Чехова – «Три сестры» и «Вишнёвый сад». К первой пьесе отсылает имя Машенька (одна из трёх сестёр), к которой обращается лирический герой, а также упоминание «сквозного мотива из “Трёх сестёр”» [3, с. 324], который слышен ему в шуме вишнёвого сада. Все три чеховских произведения объединены в стихотворении мотивом прощания с прошлым, звучащим в первой и последней строфах. При этом В. Н. Соколов сращивает мотивы и образы из разных

произведений А. П. Чехова в единый текст, внутри которого сосуществуют и вишнёвый сад, и дом с мезонином, и Машенька.

Однако поэт не ограничился обращением к русской классике. Его стихотворение «Пейзаж с дорогой» построено на основе образов из «Ворона» Э. А. По:

Столбы лучей сияют меж стволами.
Взлетает ворон, каркая над нами
Уже по-иностранному почти.
На «невормор» от злости переходит [4, с. 167].

Но образ ворона здесь лишён мрачных тонов: ворон сулит влюблённым не вечную разлуку, а вечную радость (с комичным объяснением «поскольку плохо, видимо, воспитан»): «Знай, чёрный ворон каркает в лесу. // Не "никогда", а "навсегда" вопит он» [4, с. 166]. Таким образом, обращение к чужому тексту становится для В. Н. Соколова возможностью включения собственных переживаний в максимально широкий временной и литературный контекст. Во многих случаях он снимает напряжённость конфликта первоисточника за счёт отнесения его в область воспоминаний («Бродя и гадая о блоковской Даме...») или за счёт его иронического переосмысления («Пейзаж с дорогой»).

Отдельно следует сказать о таком способе введения «чужого» слова в текст, как использование эпитафий. В. Н. Соколов часто предпосылал их своим стихотворениям. По большей части это отрывки из произведений его любимых поэтов – А. А. Блока, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, А. А. Фета и др.

Стихотворение «Жду тебя...» снабжено в качестве эпитафии строкой из стихотворения «Память» Н. С. Гумилёва – «Словом остаивавший дождь...». В полном виде строфа, откуда была заимствована цитата, выглядит так:

Самый первый: некрасив и тонок,
Полубивший только сумрак рощ,
Лист опавший, колдовской ребёнок,
Словом остаивавший дождь [2, с. 288].

Речь в ней идёт об одной из «реинкарнаций» души гумилёвского лирического героя. В стихотворении же В. Н. Соколова поднимается не тема памяти, а говорится о власти поэтического слова над миром. Лирический герой сетует на потерю этой власти и невозможности даже разогнать тучи ради своей возлюбленной:

Я ведь тоже знал и позабыл,
Но надеюсь, что не навсегда,
Слово, что поэт произносил,
И кончался ливень без следа [4, с. 181].

Стихотворению «Весь в перьях сад, весь в белых перьях сад...» предпослан отрывок из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Ночевала тучка золотая...». Однако смысл лермонтовского произведения и смысл стихотворения В. Н. Соколова различны. У М. Ю. Лермонтова говорится об одиночестве, а перья птиц, которые становятся объектом поэтического описания у В. Н. Соколова, становятся для него синонимом памяти. Лирический герой не видел самих птиц, ночевавших в его саду, но по перьям может представить их. И эти созданные его фантазией птицы изображаются как нечто более прекрасное, чем птицы реальные. Перо-след, оставленное птицами, позволяет «вернуть» их в сад, т. е. это стихотворение отнюдь не про одиночество.

Личной трагедии А. С. Пушкина посвящено стихотворение «Натали, Наталья, Ната...». Ему предшествует в качестве эпитафии строка из пушкинских «Бесов» – «Мчатся тучи...» [4, с. 9]. Возможно, В. Н. Соколов предполагал, что читатель вспомнит по этой строке именно название пушкинского стихотворения. «Натали, Наталья, Ната...» обращено к современникам и потомкам А. С. Пушкина, которые осуждают его жену за легкомысленное поведение, приведшее к гибели великого русского поэта: «Для того ли русский гений // В поле голову сложил, // Чтобы сонм стихотворений // Той же // Надобе // служил» [4, с. 9]. Наверное, словом *бесы*, «зашифрованным» в эпитафии, В. Н. Соколов и указывает на подобных злоязычных людей, для которых скандальные подробности личной жизни Пушкина важнее, чем его поэтическое наследие.

Строка из стихотворения А.А. Фета «Когда читала ты мучительные строки...» становится эпитафией к соколовскому стихотворению «Памяти Афанасия Фета»: «Здесь человек сгорел...» [3, с. 299]. Произведение В. Н. Соколова посвящено личной трагедии А. А. Фета – гибели в огне его возлюбленной Марии Лазич. У Фета речь идёт про иное горение – не физическое, а душевное. «Мучительные строки» письма, в котором «страсти роковой вздымаются потоки», находят «продолжение» в занимающейся заре: «И в эту красоту невольно взор тянуло, // В тот величавый блеск за тёмный весь предел, // Ужель ничто в то время не шепнуло: // Там человек сгорел!» [6, с. 69]

Как видим, эпитафии в стихотворениях В. Н. Соколова не расширяют смысл его произведения за счёт подобного «присоединения» к нему «чужого» текста. Они могут отсылать к текстам с прямо противоположным или просто иным смыслом. Другими словами, эпитафии в лирике Соколова формальны. Они строятся на совпадении одного ключевого слова из его собственного произведения и «чужого» текста. Например, «Ночевала тучка золотая...» (М. Ю. Лермонтов) и ночевавшие в саду птицы из стихотворения «Весь в перьях сад, весь в белых перьях сад...» (В. Н. Соколов).

Для В. Н. Соколова подобное цитирование являлось, вероятно, своеобразным автографом классика, с помощью которого он заявлял о его присутствии в своём стихотворении.

Список литературы

1. Блок А. А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. Т. 1: Стихотворения (1898-1904). М.: Наука, 1997. 640 с.
2. Гумилёв Н. С. Сочинения: в 3 т. Т. 1: Стихотворения. Поэмы. М.: Худож. литература, 1991. 589 с.
3. Соколов В. Н. Избранные произведения: в 2 т. Т. 1: Стихотворения. М.: Худож. литература, 1981. 463 с.
4. Соколов В. Н. Избранные произведения: в 2 т. Т. 2: Стихотворения. Поэмы. М.: Худож. литература, 1981. 303 с.
5. Соколов В. Н. Стихотворения; Поэмы. М.: Худож. литература, 1987. (Библиотека советской поэзии). 350 с.
6. Фет А. А. Сочинения: в 2 т. Т. 1: Стихотворения. Поэмы. Переводы. М.: Худож. литература, 1982. 575 с.
7. Чехов А. П. Собр. соч.: в 12 т. Т. 8: Повести и рассказы. 1895-1903. М.: Гослитиздат, 1962. 575 с.

INTERTEXTUALITY IN POETRY CENTURY V. N. SOKOLOVA

Yu. L. Vasilevskaya

Tver State University

The department of philological basics of publishing and literary creation

The article is devoted to the analysis of the "other" text in the lyrics Century V. N. Sokolova, oriented not only at the national (A. A. Fet, A. A. Blok, S. A. Esenin and other) and foreign literary tradition. "Strange," the word is presented in it not only allusions, but citations in the text, and the text made in the epigraph.

Key words: *V. N. Sokolov, intertextuality, epigraph, poem, "another word"*

Об авторе:

ВАСИЛЕВСКАЯ Юлия Леонидовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры филологических основ издательского дела и литературного творчества Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова 33), e-mail: foidid-red@rambler.ru.